

В.В. Пенской (Белгород)

ЧУДО НА ДВИНЕ (ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ 1-Й СМОЛЕНСКОЙ ВОЙНЫ)

В хронике Мартина Бельского под 1518 г. есть любопытный пассаж: «Когда Москва осадил Полоцк, Ян Боратыньский (польский ротмистр. – *В.П.*) в то время находился с 500-ми всадниками на той стороне Двины; узнав о неприятеле, сразу замыслил двинуться на помощь своим, и, когда искал брод, обратился к нему какой-то юноша в белых одеждах на белом коне и воскликнул: «Как только тронусь – ежайте все за мной!» И, выехав сам наперед к реке, переплыл на другую сторону и, переплыв, тот час на берегу и исчез. Так говорят, что то был сам святой Казимир, который, рассказывают, и по сей день много разных чудес творит в Вильно. Увидев тогда это чудо, Боратыньский подивился тому немало и понял, что ему сам Господь через своего ангела указал дорогу на неприятеля, и со своим людьми переправился через реку и внезапно атаковал Москву, которую не готовой к отпору застал и разбил...».¹

Рассказ польского хрониста о чуде на Двине относится к событиям лета 1518 г., когда в ходе 1-й Смоленской войны 1512–1522 гг. русские полки под водительством боярина князя В.В. Шуйского Немого и его брата в отместку за предпринятую польско-литовскими войсками под началом гетмана К.И. Острожского в предыдущем году попытку взять пограничный псковский пригород Опочку осадил Полоцк (кстати, брат Яна Боратыньского Анджей, также ротмистр, был смертельно ранен при неудачном штурме Опочки. – *В.П.*²). Изрядно затянувшаяся (а шла она к моменту «Чуда на Двине» уже 7-й год) очередная русско-литовская война порядком утомила обе стороны, и приободренный неожиданным успехом под Опочкой московский государь Василий III решил в новую кампанию закрепить свой предыдущий успех новой большой победой.

Эта победа могла бы ускорить завершение войны на выгодных для Москвы условиях. И чтобы это произошло, нужно было выбрать такую цель, достижение которой имело большой не только моральный, но и стратегический эффект. Такой целью стал Полоцк – древний русский город, крупный торговый центр и важная в военном отношении крепость (база, опираясь на которую войска Великого княжества Литовского совершали походы на Псковщину) на Западной Двине.

Претензии на владение Полоцком наряду с Киевом, Смоленском и Витебском заявлялись Москвой с самого начала 1-й Смоленской войны.³ Поэтому рано или поздно, но попытка взять его должна была быть предпринята. Однако ждать этого пришлось долго. В первые годы войны Полочанщина и окрестности самого Полоцка уже подвергались опустошительным набегам полков Василия III (как это было, к примеру, в 1512 или 1513 г., когда московские «загоны» в окрестностях города «полону имали безчисленно»⁴), но сам город осаде не подвергся – все внимание великого князя было привлечено более значимой целью на тот момент, Смоленском. Но в конце концов, после многих трудов, Смоленск был взят, 1 августа 1514 г. Василий III торжественно въехал в свою «отчину».⁵ Отбить город обратно литовцам после победы над русскими полками под Оршей в сентябре все того же 1514 г. не удалось, война перешла в затяжную, если так можно выразиться, «позиционную» стадию. И взятие Полоцка (откуда польско-литовские войска в 1517 г. отправились на Опочку) вполне могло стать той соломинкой, которая качнула бы весы в затянувшемся споре в сторону Василия III. И не стоит также забывать сугубо меркантильный аспект этой победы – овладение этим богатым городом не только помогло бы детям боярским московским, новгородским, псковским и иным восполнить свои изрядно отощавшие за время войны кошельки, но и разжиться новыми полоним и «животами» – совсем не лишними в хозяйстве.

Одним словом, полоцкая экспедиция, решение о проведении которой было принято в Москве, видимо, сразу после победного завершения осенней кампании 1517 г. (любопытно, что псковская летопись сообщает, что весной 1518 г. Василий III «присла» во Псков, «к живоначалней Троицы большой колокол, где вечевой был; а преже того незамного прислал меншии колокол в корсоуньского места, что на сени в него звонили, как вече было...»⁶ Уж не связано ли это событие было с событиями предыдущего года?), должна была сыг-

рать важную роль в войне. Однако, увы, приходится признать, что эта страница 1-й Смоленской войны (впрочем, как и большая часть других, по большому счету, если не брать в расчет трехкратную осаду Смоленска русскими и сражение под Оршей в сентябре 1514 г. известна лишь очень узкому кругу историков, занимающихся историей Русского государства начала XVI в. И обусловлено это в первую очередь совершенно неудовлетворительным состоянием источников как с этой, так и с той сторон.

Два главных русских источника по истории 1-й Смоленской войны, летописи и разрядные записи, на удивление немногословны в своих описаниях полоцкой кампании 7026/1518 г. Важнейшие летописи, Софийская 2-я, Воскресенская, Никоновская и другие, в своих записях относительно 7026 г. подробно расписывают, к примеру, оборону Опочки, приезд и отъезд послов, поновление обветшавших владимирских икон и прочие события, случившиеся в этом году⁷. Однако искать в них что-либо об экспедиции на Полоцк не имеет смысла – летописи молчат об этом событии. Молчат об этом походе и краткие летописцы, в которых нередко встречаются сведения, существенно дополняющие и детализирующие показания летописных сводов.⁸ Точно также молчат и новгородские летописи, хотя, казалось бы, им-то эта история должна была быть ближе всего⁹. Лишь в некоторых из них о походе под Полоцк упоминается одним предельно неконкретным предложением: «Того же лета послал князь велики Василю Иванович в Литовску землю воевати под городом...»¹⁰.

Чем вызвана такая «скромность» московских (и не только) летописцев – в общем, понятно. Поход на Полоцк завершился неудачей, и он не сыграл той роли, ради которой задумывался и предпринимался (да и обстоятельства поражения, судя по всему, не добавляли славы «воинникам» Василия III). Потому официальные летописи и умалчивают об этой экспедиции. Лишь в псковских летописях, всегда отличавшихся большей свободой и своего рода фрондой по отношению к официальному московскому летописанию, есть любопытные сведения о походе В.В. Шуйского к Полоцку. Они позволяют в общих чертах не только представить себе картину событий, разыгравшихся летом 1518 г. под Полоцком, но и попытаться сделать реконструкцию этой кампании от ее начала до не слишком славного конца¹¹.

Определенную помощь в создании этой реконструкции могут оказать и разрядные записи, правда, при этом стоит заметить, что составленные задним числом, много лет спустя описываемых событий,

они требуют осторожного к себе отношения. События в записях¹², относящихся к периоду после 1514 г., в них перепутаны и перемешаны, хронология нарушена, и составить представление о разряде 7026 (1517/1518) г., исходя из них, можно, но лишь при условии, что эти сведения будут сопоставлены с информацией из летописей и иных источников. И здесь большой интерес представляет переписка между Василием II и крымским «царем» Мухаммед-Гиреем I, в которой московский великий князь в общих чертах обрисовывает ход кампании 1518 г. и ее результаты (естественно, излагая выгодную для Москвы интерпретацию событий).¹³

Источники с той стороны, быть может, не настолько полны и не могут дать столь целостной (пусть даже в самых общих чертах) картины событий под Полоцком летом 1518 г., однако они порой существенно дополняют московские и псковские известия. Отметим прежде всего хронику Б. Ваповского¹⁴, которой пользовался уже упоминавшийся нами прежде М. Бельский, а также переписку великого князя литовского Сигизмунда I и первых лиц Великого княжества Литовского.¹⁵ О неудачной экспедиции русских к Полоцку сообщает также и С. Герберштейн.¹⁶

Подводя итог этому краткому обзору источников, можно лишь сожалеть, что сведений об одном из важнейших событий 1-й Смоленской войны осталось совсем немного. И, очевидно, что это стало одной из главных причин, по которым история 1-й осады Полоцка русскими полками осталась вне поля пристального внимания историков (впрочем, есть и вторая, не менее значимая причина – общее для всей российской, неважно, до- или послереволюционной, или современной, пренебрежение к изучению вопросов, связанных с историей русского военного дела в конце XV – начале XVII вв.). Любопытствующий читатель в поисках более или менее упорядоченных сведений об этой кампании в лучшем случае сможет воспользоваться соответствующим разделом в работе А.А. Зимина¹⁷, а из более старых работ – исследованием Е.И. Кашпровского.¹⁸ Из работ, вышедших относительно недавно, об осаде Полоцка в 1518 г. упоминает М.М. Кром и А.Н. Лобин (но в этих работах, как, впрочем, и в предыдущих, события вокруг Полоцка в 1518 г. отнюдь не являются объектом первостепенного внимания).¹⁹ Ну а раз так, то стоит восполнить эту лакуну в отечественных военно-исторических штудиях.

Замысел кампании 1518 г. и похода на Полоцк вызревал в Москве в точном соответствии с формулой прусского военного теоретика

К. фон Клаузевица: «Война есть... подлинное орудие политики, продолжение политических отношений другими средствами».²⁰ Месяцы, предшествовавшие кампании, ознаменовались бурной дипломатической деятельностью, в которой первую скрипку играли имперские дипломаты. Они стремились добиться примирения Москвы и Вильно с тем, чтобы направить их энергию, бессмысленно, с точки зрения императора Максимилиана I, растрчиваемую на междуусобицу, в то время как Великий Турок угрожает Европе и всему христианству. Посланному императором в Москву С. Герберштейну с большим трудом удалось добиться начала переговоров между московскими и литовскими дипломатами, но сыграть роль «честного маклера» ему не удалось. Запугивая Василия III и его бояр картиной османской опасности, он, по словам А.А. Зимина, добился обратного эффекта – «великий князь Василий III и его окружение еще раз убедились в необходимости сохранять дружеские отношения с Портой».²¹ При этом московский государь, верный своему обычаю, сумел оставить у Герберштейна впечатление, что он, Василий, в общем, не прочь присоединиться к антиосманской коалиции²². Когда же речь зашла о заключении мира с Великим княжеством Литовским, хитрые москвиты, воспользовавшись тем, что Москвы достигли известия о провале опочкинской экспедиции, заявили о том, что де король Жигимонт «из докончания и из крестного целованья много выступил, многожда наводил бесерменство на кристьянство, да и ныне навел (речь идет о неудачном набеге, предпринятом крымским Токузан-мурзой со товарищи, на Тулу и ее окрестности, в конце лета 1517 г. – *В.П.*²³), и сестре государя (Елена Ивановна, вдова предшественника. Сигизмунда, Александра Казимировича, смерть которой стала одним из поводов для начала 1-й Смоленской войны. – *В.П.*) нашего много нечти учинил...». Посему, продолжили московские дипломаты, мы, конечно, «з Жигимонтом королем миру хотим», но не раньше, чем король «нам нашу отчину, русские города (Киев, Полоцк и Витебск. – *В.П.*) поотдавал и по докончанию б нам направил...», да в придачу к ним еще и те города, что Александр Казимирович отдал в приданое своей супруге, а сестре великого князя²⁴.

Все усилия Герберштейна смягчить требования Василия III натолкнулись на упорное нежелание москвитов идти на уступки. В конце концов, ради «брата своего Максимьяна», великий князь согласился было снять свое требование относительно Витебска и Полоцка, но когда литовские послы возобновили свои «безлепичные речи» на-

счет возвращения утраченных в ходе войны земель, прежде всего Смоленска, то в ответ им была прочитана большая лекция про «неисправленье королей полских». В ней им припомнили все прегрешения – от стародавних, еще времен Казимира, до самых последних, с выводом: Смоленска, государевой вотчины, Сигизмунду I не видать, «а пришет к нам Жигимонт король своих послов, а прикажет к нам о миру попригожу, и о сестре нашей к нам направить, и тогда о сестры нашии городех и об иных городех о русских, которые ныне за Жигимонтом королем, могут речи быти»²⁵. После опочкинского разгрома крыть литовским послам было нечем, и все усилия имперского посредника пошли прахом. В ноябре 1517 г. он отправился в обратный путь.

Провал мирных переговоров означал, что по весне 1518 г. возобновление боевых действий будет неизбежно – фраза насчет «иных городех русских, которые ныне за Жигимонтом королем» намекала на это более чем откровенно. И Москве нужен был крупный успех не только поэтому. В союзники к ней напрашивался Тевтонский орден, посол которого Дитрих Шонберг в марте 1518 г. в очередной раз прибыл в Москву²⁶, и, что самое важное, крупный военный успех был необходим Василию III для того, чтобы произвести нужное впечатление на Мухаммед-Гирея I и «партию войны», состоявшую из литовских доброхотов, при его дворе. Отношения между Москвой и Кыркором после смерти Ивана III охладели, но Мухаммед-Гирей, отказавшись от сохранения союза с Русским государством, тем не менее, не торопился полностью рвать отношения с Василием III. Он хотел заручиться русской поддержкой в деле подчинения своей власти Астрахани.²⁷ Московский же государь и его бояре стремились, не обременяя себя чрезмерными расходами и тем более обязательствами, повернуть острие татарского «последнего довода королей» против Литвы. При этом, как отмечал отечественный историк И.В. Зайцев, «и Крым, и Москва часто вели друг с другом двойную игру, лавируя и виляя, отрицая очевидные истины и стремясь убедить противника в заведомой дезинформации...».²⁸ И в этой игре еще одна (после опочкинской) громкая победа над Сигизмундом I была бы для Василия III неплохим аргументом в переговорах с крымским «царем».

Какими же были планы Москвы на предстоящую кампанию? Теоретически ответ на это могли бы дать разрядные записи, но, как уже было отмечено выше, разряды 1518 (7026) г. в той их части, что

последовали за опочкинской эпопеей, чрезвычайно запутаны и невняты. Чтобы навести порядок и реконструировать примерный вид разряда 7026 г., необходимо прибегнуть к помощи летописных свидетельств и дипломатической переписки. Из августовского 1518 г. послания Василия III Мухаммед-Гирею I следует, что утвержденный государем и Боярской думой план кампании предполагал посылку на «недруга на литовского» четырех ратей. Первая, новгородская, под предводительством князя В.В. Шуйского, должна была выступить в поход из Великих Лук и атаковать Полоцк. Другая рать, под началом князя М.В. Горбатого-Кислого, вторгалась во владения Сигизмунда со стороны Смоленска. Третья рать, князя С.Ф. Курбского, наступала на Литву из Стародуба. И, наконец, четвертая рать под водительством князя А.Б. Горбатого-Бучена, имея базой городок Белый, получила приказ разорить окрестности Витебска.²⁹ Псковская летопись дополняет эти сведения, сообщая, что вместе с Василием Шуйским, наместником новгородским, и его «силой новгородской», с Великих Лук должен был наступать и его брат, князь Иван Шуйский с «псковскою силою», а смоленской рати князя М.В. Горбатого-Кислого предписывалось присоединиться к новгородцам и псковичам братьев Шуйских.³⁰ Владимирский же летописец утоняет персональный состав воевод смоленской рати – «товарищами» князя М.В. Горбатого-Кислого (Киселки, Кислицы – летописи именуют его по-разному) были князь М. И. Кубенский и М.А. Плещеев.³¹ Любопытно, что официальные московские летописи сообщают, что и сам великий князь намеревался выступить в поход. Во всяком случае, в июне 1518 г. Василий III «благословился у отца своего Варлама митрополита и поехал к Жывоначалной Троице в монастырь преподобнаго Сергия чудотворца помолитися и благословитися, хотя поити на свое дело на своего недруга Жихьдимонта короля Полскаго».³²

Собрав воедино и проанализировав эти разрозненные сведения, можно попытаться реконструировать гипотетический разряд 7026/1518 г. в той его части, что касалась диспозиции государевых полков на литовском «фронте», их состава и задач, которые они должны были решить в ходе кампании. Начнем с малого – со стародубовской рати. Если наша реконструкция разряда верна, то в Стародубе было три воеводы – князя С.Ф. Курбский, И.Ф. Овчина-Телепнев и П.Ф. Охлябинин.³³ Отсюда можно сделать вывод, что, во-первых, в рать вошли люди самих князей, а также стародубцы, и было их всех вместе несколько сот человек – никак не больше 1-й тысячи.

Следовательно, и задача перед ратью была поставлена второстепенная – разорение и опустошение неприятельской территории, захват пленных и «животов», и, естественно, отвлечение внимания неприятеля.

Белыйская рать согласно реконструкции разряда выглядит значительно солиднее. Для опустошения окрестностей Витебска были выделены 5 полков во главе с девятью воеводами (Большой полк – князь А.Б. Горбатый-Бучен и А.Д. Курбский, а также Ю.Д. Владимиров; Передовой полк – князь В.И. Стригин-Шиха-Оболенский и И.М. Салтыков; полк Правой руки – князь И.А. Тростенской-Оболенский; полклевой руки – князь А.Ф. Пестрый-Гундор Большой и в Сторожевом полку братья А.Д. и В.Д. Годуновы). Стоит заметить, что князь А.Б. Горбатый-Бучен происходил из рода суздальских князей и был родственником Шуйских (Шуйские вели свой род от старшего сына нижегородского князя Дмитрия Константиновича Василия Кирдяпы, тогда как Горбатые – от его среднего сына, Семена). И, исходя из этого, можно заключить, что численность этой рати была порядка 3–4 тыс. детей боярских с послужильцами, а ее действия на витебском направлении должны были обеспечить успех двух главных группировок, псковско-новгородской и смоленской, на полоцком направлении.

Смоленская рать, судя по всему, являлась едва ли не главнейшей по первоначальному замыслу. Об этом свидетельствует как оговорка псковского книжника («князь Михаило Кислица с московскою силою пришел от Смоленска...»³⁴), так и намерение самого великого князя выступить «на своего недруга». Между тем по опыту предыдущих походов Василий III должен был идти по хорошо знакомому пути из Москвы по Смоленской дороге через Вязьму, Дорогобуж на Смоленск, а уже оттуда – на Полоцк. И 5 полков с десятью воеводами (Большой полк – опытный воевода, уже ходивший на Полоцк в 1513 г., князь М.В. Кислица-Горбатый, двоюродный брат Андрея Бучена, и Г.Ф. Квашнин; Передовой полк – Ф.Ю. Кутузов-Щука и И.В. Ляцкой, оба из старых московских боярских фамилий; полк Правой руки – князь М.И. Кубенский и И.М. Салтыков; полклевой руки – Г.А. Колычев Меньшой и князь С.Ф. Сицкий; Сторожевой полк – М.А. Плещеев и В.П. Борисов³⁵) должны были насчитывать в своих рядах примерно 4–5 тыс. «сабель». Если же к этой рати присоединился бы сам великий князь со своим двором и нарядом, да его братья с людьми, то ее

численность легко могла вырасти до 7–8 тыс. «сабель» и «пищальей», а то и больше.

И, наконец, «сила новгородская» и «сила псковская» братьев Шуйских. Реконструкция разряда позволяет представить себе примерный состав и численность этой группировки. В нее входили (после «схода» в Великих Луках воевод с Новгорода и Пскова) 5 полков с 14 (sic - !) воеводами (Большой полк – боярин, князь В.В. Шуйский, М.В. Тучков и В.Г. Морозов; Передовой полк – князь И.В. Шуйский, опытный военачальник И.В. Хабар, отличившийся во время внезапного нападения казанского хана Мухаммед-Эмина на Казань в 1506 г., и Ю.И. Замятнин; полк Правой руки – татарский князь Борис Тебет Уланов, И.А. Колычев и воевода брата Василия III, улицкого князя Дмитрия Ивановича Жилки С.Г. Мятлев, с княжескими людьми; полклевой руки – князь И.А. Ростовский-Буйнос и князь А.В. Кашин, а также В.И. Владимиров; Сторожевой полк – князь В.А. Микулинский (из тверских князей) и И.В. Лошаков-Жук из рода Колычевых).³⁶

Польские источники определяют численность войска Шуйских в 7 тыс. человек – редкий случай, когда русская рать в свидетельствах с «той» стороны не предстает «тьмочисленной»³⁷. И эта оценка представляется вполне приемлемой. «Сила новгородская» в годы 1-й Смоленской войны насчитывала до 2 тыс. детей боярских, основная масса которых могла выставить, помимо себя, еще от 1 до 4 послужильцев каждый³⁸. Однако, учитывая, что война шла уже не первый год, и новгородцам сильно досталось в 1514 г. под Оршей (да и под Опочкой не обошлось без потерь, о чем свидетельствуют списки русских пленных в Литве³⁹), вряд ли в этом походе могло участвовать больше 4–5 тыс. «сабель». «Сила псковская» «и с людьми» даже при самом благоприятном раскладе насчитывала не больше 600–800 «сабель» (при этом отметим, что псковичи также понесли определенные потери под Опочкой)⁴⁰.

Но это еще не все, поскольку уже упоминавшаяся нами псковская летопись сообщает, что Василий III отправил на Полоцк «своего воеводу, новгородцкого наместника, князя Василья Шуйского с новгородскою силою и с нарядом большим, а из Пскова брата его князя Ивана Шуйского со псковскою силою и со всем нарядом псковским, и с пищальниками и с посохою...»⁴¹. Сообщая о том, что в 1512 г. Василий III потребовал от псковичей выставить 1000 пищальников для экспедиции против Смоленска, летописец подчеркнул, что для города «тот

роубеж не обычен» и «бысть им (псковичам. – *В.П.*) тяжко вельми»⁴². В той экспедиции псковские пищальники понесли серьезные потери («псковских пищальников много же прибиша»), и, забегая вперед, отметим, что в 1519 г. в дальний поход псковичи смогли снарядить только 100 пищальников.⁴³ Так что если Псков и смог выставить в 1518 г. 500–600 пищальников, то это было бы очень неплохо. Что касается новгородцев, то в 1510 г. Василий III, покидая Псков, оставил здесь 500 новгородских пищальников. В 1545 же году сын Василия Иван, собираясь в казанский поход, потребовал от новгородцев «с ноугороцких же посадов, и с пригородов с посадов, и с рядов, и с погостов, наредить 2000 человек пищалников, половина их 1000 человек на конех, а другая половина 1000 человек пеших...», одетых в однорядки или сермяги, со своими пищальями, порохом, свинцом и провиантом.⁴⁴

Сведя воедино эти данные, можно предположить, что рать под водительством братьев Шуйских насчитывала до 5–6 тыс. «сабель» и около 1–1,5 тыс. «пищалей» (не только новгородских и псковских, но и старорусских и других, собранных с новгородских и псковских пригородов), не считая посохи (о ее численности можно судить по следующему примеру – в 1535 г. псковичи собрали посохи для строительства Себежа «3000 коней оу телегах и человека на кони»⁴⁵), собранной для доставки к Полоцку новгородского и псковского наряда, запасов провианта, фуража и амуниции, необходимых для ведения осады, а также дорожных и саперных работ.⁴⁶ Последнюю, судя по всему, собирали по «усиленной» норме – псковский же летописец жаловался, что на посоху кони и телеги собирали со священников (в аналогичном случае в 1495 г. дело за малым не дошло до смертоубийства – священников, которые попытались было, сославшись на нормы канонического права, «правила святых отец в Манакануне», избежать набора, возмутившиеся псковичи «изсоромотиша»⁴⁷).

Таким образом, подводя общий итог, можно сказать, что в кампанию 1518 г. основным «фронтом» должен был стать «Северо-Западный». Здесь должны были действовать три из четырех русских ратей (15 полков, 33 воеводы) и сам государь со своими братьями. Выставленные здесь рати насчитывали около 15–17 тыс. «сабель» и «пищалей» (не считая двора великого князя и людей, выставляемых его братьями) и значительный наряд, без которого взять Полоцк было невозможно. Сам факт, что Василий III намеревался идти к Полоцку, свидетельствует о серьезности его намерений и о том значении, ко-

торое придавалось этому походу. Однако «гладко было на бумаге», и серия непредвиденных событий привела в конечном итоге к неудаче этого задуманного с таким размахом похода.

Увы, к сожалению, абсолютную хронологию кампании восстановить при нынешнем состоянии источников практически невозможно – только относительную. Тем не менее, попытаемся, опираясь на косвенные свидетельства, определить примерное время ее начала. Псковская летопись сообщала, что после выступления рати братьев Шуйских в поход «повезоша наряд весь в судех Великою рекою до пристани, а от пристани на псковские кони и на телеги положиша весь наряд поущечный, и приставиша к нему посоху к Полоцку...».⁴⁸ Таким образом, начало кампании датируется довольно точно: как только Великая вскрылась ото льда, а дороги более или менее просохли. В конце XIX – начале XX вв. Великая вскрывалась ото льда в районе Пскова в середине апреля⁴⁹, следовательно, псковский наряд мог отправиться из Пскова не раньше 20-х чисел апреля 1518 г. Правда, из сообщения псковского летописца неясно, откуда отправлялся в Полоцк новгородский наряд – из Пскова ли (доставленный туда из Новгорода по зимнику) или же из Великих Лук (куда наряд мог попасть водой через Ильмень-озеро и далее по Ловати, но в таком случае Ильмень вскрывается не раньше последних чисел апреля – начала мая, значит, в Великие Луки новгородский наряд мог попасть в лучшем случае к середине мая 1518 г.). Мы склоняемся к тому, чтобы полагать отправку новгородского наряда все же из Пскова вместе с псковским в сопровождении псковской же посохи. И, учитывая особенности климата на Псковщине и Новгородчине, можно с высокой степенью уверенности предположить, что марш от «пристаней» (соблазнительно было бы предположить, что она находилась где-то в районе г. Воронач, что в 110 верстах вверх по Великой от Пскова⁵⁰, или даже в 40 верстах южнее⁵¹, у Опочки) к Полоцку, скорее всего, начался примерно в середине мая 1518 г., а к концу мая, после тяжелого марша (согласно показаниям Герберштейна, от Полоцка до Опочки 26 немецких миль, по русскому счету – 130 верст⁵²) оба наряда, новгородский и псковский, с большим обозом и в сопровождении псковской посохи (и видимо, псковской конницы и пищальников, которые шли вместе с нарядом – конница берегом, пищальники в «судех» и помогали посошным тянуть струги с артиллерией и припасами бечевой против течения Великой) дошел, наконец, до Полоцка. При этом нельзя исключить, что планируя наступление

на Полоцк от Опочки, русские воеводы решили использовать дорогу, которую в прошлом году навели польско-литовские войска, выдвигавшиеся к Опочке с юга, из Полоцка.

К этому времени Полоцк уже должен был быть окружен «силой новгородской», которая, по опыту предыдущих кампаний, должна была выйти к Полоцку заблаговременно с тем, чтобы блокировать город и обеспечить беспрепятственный подход артиллерии и обозов к Полоцку. Расстояние между Полоцком и Великими Луками, по сообщению С. Герберштейна, всего лишь 36 немецких миль, т. е., в пересчете на русские версты – около 180 верст⁵³. Это расстояние конная рать могла преодолеть, двигаясь обычным, не ускоренным маршем, самое большее за полторы недели. Напрашивается предположение, что выступление полков с Великих Лук состоялось после Вознесения, которое пришлось в 1518 г. на 13 мая, и тогда к Троице, к 23 мая, русская конница уже вполне могла оказаться под Полоцком, «оступиша» его. Передовые же загоны, «лехкая» рать, вышли к нему еще раньше.

Спустя несколько дней после выхода к Полоцку главных сил великолуцкой рати к городу должны были подойти псковичи Ивана Шуйского с артиллерией. Подступив к городу, посошные люди «начаша тоуры под городом ставити», а после того, как были подготовлены артиллерийские позиции, новгородские и псковские пушкари «начаша новгородскими и псковскими пушками бити город».⁵⁴ Согласно официальной московской версии осады, изложенной послом Василия III Останей Андреевым в речи перед крымским «царем» Мухаммед-Гиреем I, братья Шуйские «под городом по Полоцком стояли и из пушек и из пищалей по городу били, и в городе людей из пушек и из пищалей многих побили, и тут людей многих побили, и иных многих живых переимали (очевидно, речь шла прежде всего о вылазках полочан из осажденного города и стычках с московскими ратными людьми под стенами города. – *В.П.*) и к нам прислали, и посады у города пожгли...»⁵⁵.

Полочане, несмотря на тяготы и разрушения, причиняемые бомбардировкой, не собирались сдаваться – их позицию охарактеризовал М.М. Кром, отмечавший, что «крупные привилегированные (а Полоцк относился именно к таким. – *В.П.*) городские общины (Полоцк, Витебск, Минск, Смоленск) наиболее активно проявляли себя во внутри- и внешнеполитической сфере. Они занимали во время русско-литовских войн бескомпромиссную позицию, выдержжи-

вали длительные осады, сопротивлялись до последней возможности...».⁵⁶ Городской верхушке таких городов было что терять в случае перемены власти, потому полочане, как и перед ними смоляне, вовсе не собирались открывать ворота перед братьями Шуйскими, «ис посада из заострожья много с нашими (новгородцами и псковичами. – *В.П.*) бишася...»⁵⁷, ожидая, когда великий князь литовский пришлет помощь и вынудит москвитов снять осаду.

Как развивались бы события дальше, если к Полоцку вслед за князем Михайлой Горбатым-Кислым и его полками (судя по псковской летописи, он прибыл к Полоцку практически одновременно с ратью Василия Шуйского с Великих Лук) подошел бы сам великий князь с братьями «и с нарядом», трудно сказать. Укрепления Полоцка, отстроенные после пожара в конце XV в.⁵⁸, были поновлены осенью 1500 г., когда после разгрома воеводами Ивана III войска гетмана К.И. Острожского на р. Ведрошь великий князь литовский Александр отступил в Полоцк. Здесь он и простоял всю осень, занимаясь фортификационными работами⁵⁹. Однако эти укрепления, судя по всему, уступали по мощи смоленским, и вполне вероятно, что Полоцк был бы взят. Но этого не случилось. Прежде всего в ход осады властно вмешалась погода. «Того же лета (7026/1518. – *В.П.*), в Петрово говение за Петров день, бысть умножение дождей велие, – с сожалением писал московский летописец, – зело и в реках воды быша болши вешных, грех ради наших». Другой книжник добавлял к этому – «и многа жита и обилиа истопоша».⁶⁰ Длившиеся на протяжении месяца (Петровский пост в 1518 г. продолжался 4 недели и 1 день) непрерывные дожди серьезно ухудшили и без того сложное положение русских войск под Полоцком. Местность вокруг города была изрядно опустошена предыдущими набегами русских войск и двойным (туда и обратно) прохождением королевских войск осенью 1517 г. Так, описывая дорогу от Полоцка к Опочке весной 1517 г., С. Герберштейн писал, что «путь близ границ королевства отнюдь не безопасен вследствие частых набегов с той и другой стороны; постоянные дворы либо заброшены, либо вообще отсутствуют»⁶¹. Припасы (провиант и фураж, не говоря уже о ядрах и «зелье», расход которых был велик), которые можно было бы доставить по Великой и Ловати и Пскова и Новгорода, перевезти по раскисшим и превратившимся в море грязи дорогам в лагерь осаждавших, оказалось чрезвычайно сложно. Псковский летописец с горечью писал, что среди осаждавших «бысть глад велик, колпак соухареи в алтын и боле, и коневьи корм потому ж дорог был...»⁶².

Проливные дожди (ради прекращения которых Василий III приказал митрополиту Варлааму «с епископы, и архимандриты, и игумены и с всеми священными съборы» «молебны пети о милости Божии, и устроении земском, и о теплоте солнечной, и о ведре», а простому люду «заповедаша пост и молитву, с чистым покаянием и с слезами...»⁶³) и внезапная смерть 26 июня брата великого князя удельного князя калужского Семена Ивановича⁶⁴ (отношения которого с великим князем оставляли желать лучшего – в 1511 г. Семен намеревался бежать в Литву, но его замысел был раскрыт. Сам калужский князь отделался легким испугом – по печалованию митрополита Симона Василий помиловал брата, однако «людей его (Семена. – В.П.), бояр и детей боярских, всех переменял...»⁶⁵) вынудили Василия III повременить с отъездом в действующую армию. Без него же осада Полоцка стала затягиваться, и, судя по всему, в сложившейся ситуации в худшем положении оказались ратники «силы московской». Похоже, что они снабжались по остаточному принципу и терпели наибольшие тяготы и лишения. Держать несколько тысяч всадников с заводными и вычными конями в опустошенной и залитой дождями обезлюдевшей местности в условиях, когда первоначальный план кампании пошел насмарку, не имело смысла. В итоге князь Михайло Горбатый с большей частью своих людей отправился из-под Полоцка в дальний рейд по раскисшим от казавшихся бесконечными дождей дорогам по владениям Сигизмунда I. «Ходил в Литовскую землю далеко, кош у него стоял в Молодечно, в Маркове, в Лебедеве, – сообщал Василий III своему крымскому корреспонденту о действиях князя Михайлы, – а воевали Литовскую землю и по самую Вилню⁶⁶, а направо от Вилны воевали также по Неметцкую землю».⁶⁷ Видимо, именно эта рать вернулась в Вязьму 11 сентября 1518 г., при этом «полону и животов людских безчислено вывели».⁶⁸

Столь же успешными, в изложении Василия, были и действия рати князей А.Б. Горбатого и А.Д. Курбского на витебском направлении («у Витебска острог взяли и посады пожгли и людей многих побили, и иных многих живых переимали и к нам прислали»), и С.Ф. Курбского на минском («воевал Литовскую землю около Слуцка и Менска и Нова-города литовского и Могилева, также мало не по самую Вилну, и также полону и животов людских безчислено вывели и жолнырей многих побили, а иных живых к нам прислали...»)⁶⁹. Но вся эта малая война никак не решала главную проблему, ради чего все и затевалось – взятие Полоцка.

О том, что происходило под осажденным городом летом 1518 г., известно очень мало, да и сами известия эти весьма противоречивы. Пожалуй, главным источником является послание Сигизмунда I Мухаммед-Гирею I, датированное 28 августа 1518 г. В этом письме великий князь литовский сообщает своему корреспонденту о великой победе, одержанной его войсками над русскими под Полоцком. Предлагая хану отправить, в ознаменование поновленного годом ранее союза, «сынов своих з войскомъ великимъ в землю непрыятеля нашего московского воевати», Сигизмунд писал, что тот «непрыятель нашъ московский, собравши ся со всеми людьми своими, што их могъ мети, конных и пешихъ, и з многими делы, безвестно кинул ся в панъство нашо под замокъ нашъ Полтескъ». Однако здесь их ждал неприятный сюрприз: полоцкий воевода Ольбрахт Гаштольд «с подьданными нашими, князи и бояры земли Полоцкое, и мешаны, и служебными нашими, оземшы Бога на помочь», ударили на московские полки (которых, пришедших наперед к замку полоцкому, было 15 тыс.). И, ударив, наголову разгромили неприятеля, «прытиснув» их к Двине так, что «которые не могъ забыт бытии, тыи вси в реце у Двене потонули, а жадная нога тыхъ люди пединадцати тиясь не вошла...».

Несчастья московитов, если верить победной реляции Сигизмунда (мастера писать такие послания), на этом не закончились. «А другии люди наши, – продолжал делиться своей радостью король, – которые шли перед великимъ войскомъ нашимъ, надъ которым жло войскомъ быть старшимъ староста городеньский, пан Юрей Миколаевич Радивиловича, тыи люди наши теж битву мели з людьми того непрыятеля нашего московского». И эти передовые литовские люди разбили еще 5 тыс. московитов, да так, что «которые с нихъ до лесовъ с коней повтекали, тыхъ люди наши, по лесомъ имаючи, побили, а иныхъ живыхъ поимали». И от тех пяти тысяч пеших и конных неприятелей, по сообщению Сигизмунда, тоже «жадная нога не въвошла», и вдобавок ко всему убиты были двое русских воевод, «по нашему гетмановъ» – князь Иван Ростовский-Буйнос и князь Александр Кашин-Оболенский (любопытно, что в послании названы оба воеводы полка Левой руки рати братьев Шуйских. – *В.П.*). И это не считая побитых и разгромленных небольших, по 200–300 людей, отрядов, из числа которых «больших князеи и бояр его (Василия III. – *В.П.*), дети боярскихъ, знамени-тыхъ люди многих живыхъ поимано...».

Но и это еще не все. Оказывается, что новгородский и псковские воеводы, «которые тымъ же людем шли ку помочы з делы», узнав о двойной победе литовцев, «с тыми всеми дялы зъ земли нашею вонъ побегли». Воевода же полоцкий Ольбрахт Гаштольд вместе «з воеводою витебскимъ, и со всеми видьбляны, и з служебными нашими» отправились вдогон за поспешно отступающим неприятелем, а староста городенский Юрий Радзивилл «з большимъ войскомъ нашимъ литовскимъ, и з двораны и служебными нашими, тамъ же за ними чымъ наспешнии пошоль...».⁷⁰

Одним словом, из послания Сигизмунда следовало, что Василий III потерпел еще одно поражение, не такое большое, как четыремя годами раньше под Оршей, где было разбито 80-тысячное московское войско, однако же достаточно серьезное (как-никак, но побито, утопло и взято в полон 20 тыс. москвитов). И теперь, по мнению Сигизмунда, настал «велики час» – самое время крымскому «царю» послать своих людей на владения московского, поскольку его лучшие воины пали в бою, а те, кто сумел бежать, пали духом и «жадное смелости не мають за неправду своего господаря». Ну и сам Сигизмунд был готов отправить свои полки на Василия, как только узнает о вторжении татар («какъ услышавши о твоихъ людех, нашы люди мели з другое стороны у его землю пойти...»)⁷¹

Не вызывает сомнения тот факт, что послание Сигизмунда носило ярко выраженный пропагандистский характер (аналогично разосланных во множестве четыремя годами ранее известий о «великой битве» под Оршей). И цифры потерь московского войска в нем совершенно неправдоподобны (если только не полагать, что они отражают в преувеличенном и приукрашенном виде сведения, полученные от пленных, относительно общей численности выставленных Василием III ратей). Однако само по себе описание хода кампании (2-й ее части), сопоставленное со свидетельствами польских хронистов, сообщением С. Герберштейна и похвальбой самого О. Гаштольда, позволяет представить, как развивались события после того, как большая часть рати князя Михайлы Горбатого отправилась в рейд по владениям Сигизмунда.

Мы остановились на том, что в конце мая – начале июня 1518 г. (косвенно эту дату подтверждает послание Сигизмунда императору, которое датируется 7 июня 1518 г.⁷², в котором нет и намека на то, что рати Василия III вторглись в пределы Великого княжества Литовского и осадили Полоцк) главные силы новгородско-псковской, а затем и

смоленской группировок московской рати (максимум 10–12 тыс. «сабель» и «пищалей») собрались, наконец, вокруг Полоцка и приступили к осадным работам. Осада начиналась в сложных условиях: сильные проливные дожди, распутица, разоренная и опустошенная местность, – все это создавало серьезные проблемы для осаждающих. Предполагалось, что в 1-й половине июля к ним присоединится сам великий князь со своим двором, с нарядом (а московский наряд должен был быть мощнее, чем новгородский и тем более псковский) и с братьями. В ожидании подхода Василия III с дополнительными силами и артиллерией осада шла ни шатко ни валко: начатый был обстрел крепости быстро сошел на нет – подвоз боеприпасов по размокшим дорогам был чрезвычайно затруднен, ядра и «зелье» нужно было беречь, и вялая перестрелка позволила осажденным воспрянуть духом и перейти к активной обороне, совершая вылазки. Кстати, о численности гарнизона Полоцка – М. Бельский писал, что Гаштольд имел в своем распоряжении 1,5 тыс. человек⁷³. Цифра, названная польским хронистом, близка к реальности. Согласно войсковой переписи Великого княжества Литовского 1528 г., сам воевода полоцкий выставлял в поход 466 «коней», князя и бояре земли полоцкой – в сумме 519 «коней», полоцкие мещане – 133 «коня», всего 1118 «коней». ⁷⁴ Добавим к этому «служебных» людей (наемников⁷⁵) и разного рода «охочих» людей, и полторы тысячи бойцов в Полоцке вполне могло собраться. И, опираясь на укрепления Полоцка и его артиллерию (некоторое представление о ней могут дать материалы описи 1552 г. и Литовской метрики⁷⁶), эти люди могли успешно отбивать вялые попытки братьев Шуйских взять город (если такая цель перед ними и ставилась до прибытия Василия III).

Однако дожди ли, смерть ли Семена Ивановича или же иная какая причина – Василий III отменил свой поход. И, хотя в начале июля дожди прекратились, положение все равно оставалось сложным. Город держался, а добывать провиант и фураж в полоцкой округе становилось все тяжелее и тяжелее. В этих условиях, посоветовавшись, воеводы решили отправить часть сил в дальний рейд (естественно, по московскому обычаю, списавшись со столицей и получив оттуда соответствующее разрешение). Раздроблением русских сил и решили воспользоваться литовцы. Городенский староста Ю. Радзивилл «Геркулес», собрав небольшое войско (к примеру, согласно переписи 1528 г., пан Юрий выставлял 321 «коня», а городенская шляхта – 363 «коня»⁷⁷) и, выслав вперед авангард из на-

емников во главе с ротмистром Я. Боратыньским, начал осторожно выдвигаться к Полоцку, отбрасывая с дороги мелкие загоны московских детей боярских.⁷⁸ Складывается впечатление, что ему удалось наладить более или менее постоянную связь с Гаштольдом и полоцким гарнизоном (русские обложили Полоцк с северной стороны, тогда как с южной, заречной, стороны действовали, видимо, лишь отдельные дозоры – для полной блокады Полоцка у Шуйских явно не хватало сил). Во всяком случае, из польских сведений можно сделать вывод о наличии некоей координации действий подмоги и осажденных.

Что же случилось в ночь на 15 августа 1518 г. (эту дату дает польская хроника и косвенно – упомянутое выше послание Сигизмунда Мухаммед-Гирею⁷⁹)? Псковская летопись сообщает, что «отгнаша струги под городом, и в тех струзах дети боярские добрые, хоупавые смельцы, перевезошася за Двину реку на добыток», другой же псковский книжник уточнил, что это были москвичи.⁸⁰ И в тот самый момент, когда русские, переправившись через реку, отошли от стругов и собрались было оправиться в добычу фуража и провианта, Гаштольд во главе своих людей совершил вылазку из города. По словам Герберштейна, он и его ратники переправились через Двину и подожгли собранные неприятелем запасы сена. Пламя костра стало сигналом для конницы Боратыньского, который обрушился на разбредшихся в поисках «добытка» детей боярских и их послужильцев. «Одни из них были перебиты, другие утонули во время бегства, третьи взяты в плен, и только немногие спаслись», – продолжал Герберштейн, а пскович добавляет, что, когда литовцы внезапно атаковали русских, «побегоша к Двине москвичи, и не бе им перевестися всем, и потопоша их много в Двине...»⁸¹.

Стычка в ночь на 15 августа не означала, конечно, что обложившие Полоцк московские, новгородские и псковские полки обречены. Общее превосходство в силах оставалось за Шуйскими. Однако смысл продолжать осаду терялся. Признаков готовности полочан капитулировать не было, к Полоцку вот-вот должно было подойти пусть и небольшое, но свежее неприятельское войско, которое к тому же было ободрено одержанной победой, рассчитывать же на подход подкреплений и дополнительной артиллерии в преддверии осени с ее дождями и распутицей не стоило: первоначальный план кампании был задвинут далеко на полку еще в конце июня. И, что самое неприятное, при попытках продолжения осады потери не столько от действий неприятеля, сколько от голода и болезней могли стать

критическими. Решение в такой ситуации могло быть одно – осаду нужно было снимать, и успешная атака Боратынского и Гаштольда только ускорила его принятие Шуйскими со товарищами.

Размеры понесенного поражения, конечно, не были столь масштабны, как это описывал в своем послании Сигизмунд, но достаточно чувствительны, чтобы заставить понервничать Василия III.⁸² И в самом деле, вместо ожидаемой победы – опять неудача (лишь частично скрашенная успешными действиями воевод под Витебском, Вильно и Минском). И выставить себя в лучшем свете перед прибывшим в Москву очередным имперским посланником Ф. да Колло со товарищи⁸³, ускорив тем самым окончание изрядно затянувшейся и надоевшей войны, никак не получалось. Хорошо, хоть рать братьев Шуйских сумела после поражения 15 августа отступить в относительно порядке и сохранить наряд. О том, что это было, скорее всего, именно так, косвенно указывает послание Сигизмунда Мухаммед-Гирею. Ведь, если бы «Геркулесу» Радзивиллу и Гаштольду удалось бы наголову разгромить Шуйских и взять богатые трофеи, король не преминул бы отписать об этом «царю», похваляясь перед ним своей победой. И Мухаммед-Гирей не стал торопиться, очертя голову бросаясь в огонь войны с московским по желанию своего литовского «партнера», здраво рассудив, что астраханский приз значит больше, нежели набег на московские окраины.

Таким образом, в сентябре 1518 г. кампанию можно было считать законченной, и законченной совсем не так, как это предполагалось первоначально. Поставить победную точку в войне не удалось, и Василию III надо было думать о том, как продолжать ее дальше.

¹ Kronika Marcina Bielskiego. Т. II. Sanok, 1856. S. 1002–1003.

² Об осаде Опочки см.: Лобин А.Н. «Бесова деревня Опочка»: малоизвестный эпизод Смоленской войны 1512–1522 годов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды четвертой международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 г. Часть III. СПб., 2013. С. 73–86.

³ См., например: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) // СБРИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 512. Кстати, петербургский исследователь А.И. Филошкин обратил внимание на тот факт, что, начиная с 80-х гг. XV в., центр русско-литовского противоборства медленно, но неумолимо смещался к северо-западу – с Северщины и Верховских земель к Смоленску и далее к Полоцку. И экспедиция 1518 г. стала первым серьезным шагом на этом пути (См.: Филошкин А.И. Причины «полоцкого взятия» 1563 г. глазами современников и потомков // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2. Вып. 3. С. 20).

⁴ Напьерский К.Е. Русско-ливонские акты. СПб., 1868. С. 278; Устюжская летопись // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 52. В разрядах упоминается также намерение Василия III «отпустить воевод к Полоцку» с Великих Лук в 1515 г., но был ли этот поход, или же в разрядные записи вкралась ошибка – установить пока не представляется возможным, ибо в опубликованных источниках, как русских, так и иностранных, ничего об этом походе не сообщается (См., например: Разрядная книга (далее РК) 1475–1598. М., 1966. С. 55).

⁵ Софийская 2-я летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 400–401.

⁶ Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003. С. 100.

⁷ См., например: Продолжение летописи по Воскресенскому списку (далее Воскресенская летопись) // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 261–264. Ср.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (далее Никоновская летопись) // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 26–30; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 392–396; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М., 2006. С. 306–309. О походе на Полоцк глухо упоминает лишь Владимирский летописец: «Того же месяца июня (1518 г. – В.П.) посылал князь велики воевод, князя Василья Шуиского и иных воевод многих в Литовскую землю...» (Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. XXX. М., 2009. С. 143). И это все – а куда посылал и каковы были итоги этой «посылки» об этом летописец молчит.

⁸ См., например: Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М. 1981. С. 234. Ср.: Краткий Кирилло-Белозерский летописчик / Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. V. М; Л., 1950. С. 28.

⁹ См., например: Софийская 2-я летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 409–416. Ср.: Новгородская 4-я летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000. С. 540.

¹⁰ Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРЛ. XLIII. М., 2004. С. 216. Ср.: Новгородская 4-я летопись по списку Н.И. Никольского // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 3. Л., 1929. С. 613.

¹¹ См.: Псковская 1-я летопись // ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003. С. 100. Ср.: Псковская 3-я летопись // Т. V. Вып. 2. М., 2000. С. 226.

¹² См., например: РК 1475–1598. С. 60–64; РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. М., 1977. С. 158–170. Столь запутанное положение с разрядными записями тем более любопытно, если принять во внимание высказанную Ю.В. Анхимюком точку зрения (представляющую весьма обоснованной), согласно которой разрядные книги (как официальный Государев разряд, так и частные разрядные книги) своего рода «местническими справочниками» (См.: Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М., 2005. С. 73–75, 81–82).

¹³ См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. 1508–1521 гг. // СБРИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 535, 541, 612.

¹⁴ *Chronicorum Bernardi Vapovii // Scriptores Rerum Polonicarum. Т. II. Cracoviae, 1874. S. 156–157. См. также: Rocznika świętokrzyskiego dopelnienie drugie z kodexu IX, 1492–1556 // Monumenta Poloniae Historica. Т. III. Lwow, 1878. S. 95–96.*

¹⁵ См.: *Acta Tomicianae* (далее АТ). Т. IV. Posnaniae, 1855. S. 328, 344; Т. VII. S. 265; *Lietuvos Metrika* (далее LM). Кн. 7 (1506–1539). Vilnius, 2011. P. 366.

¹⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 87.

¹⁷ Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 189–190.

¹⁸ Кашпровский Е.И. Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507–1522) // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Т. II. Нежин, 1899. С. 258–259.

¹⁹ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских

отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010. С. 223; Лобин А.Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. К 500-летию сражения. СПб., 2011. С. 199–201. Ср.: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 62–63.

²⁰ Клаузевиц К. фон. О войне. Т. I. М., 2002. С. 47.

²¹ Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. С. 181.

²² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) // СБРИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 506–507.

²³ См., например: Никоновская летопись. С. 26. В том, что этот поход был предпринят по наущению Сигизмунда I, в Москве не сомневались. Так, в составленном спустя 30 лет после описываемых событий Постниковском летописце его автор написал, что де в 1517 г. «посылал в Крым пана своего Ольбрехта Мартынова с великою казною к Менли-Гиреевым царевым детем, наводя их на крестьянство, на великого князя украину...» (Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 12. См. также: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 168, 170).

²⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год). С. 509–510, 517.

²⁵ Там же. С. 517–525, 543.

²⁶ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденем в Пруссии 1516–520 // СБРИО. Т. LIII. СПб., 1887. С. 42; Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 160.

²⁷ Как отмечал В.Е. Сыроечковский, «во внешней политике недолгого царствования Мухаммед-Герая была основная линия, которая и объясняет колебания хана между Москвою и Литвою. Главным вопросом для Крыма оставалась борьба с Астраханью, и интересами ее определялось отношение Крыма к Литве и Москве» (Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 50). Перипетии переговоров Мухаммед-Гирея и Василия III вокруг астраханского «проекта» крымского хана и развитие русско-крымских отношений в 10-х гг. XVI в., см.: Зайцев И.А. Астраханское ханство. М., 2004. С. 78–83; Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени... С. 174–176, 192–193.

²⁸ Зайцев И.А. Астраханское ханство. С. 82.

²⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 535.

³⁰ Псковская 1-я летопись. С. 100.

³¹ Владимирский летописец. С. 143.

³² См., например: Никоновская летопись. С. 29. Ср.: Воскресенская летопись. Т. VIII. С. 264; Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX. М., 2005. С. 394.

³³ РК 1475–1598. С. 64. Ср.: Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 68; РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 167.

³⁴ Псковская 1-я летопись. С. 100.

³⁵ РК 1475–1598. С. 63. Ср.: Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 67; РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 164–165.

³⁶ РК 1475–1598. С. 64. Ср.: Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга... С. 67; РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 166–167.

³⁷ Kronika Marcina Bielskiego. Т. II. S. 1003; Chronicorum Bernardi Vapovii. Т. II. S. 156; Rocznika świetokrzyskiego dopelnienie drugie z kodexu IX, 1492–1556. S. 96.

³⁸ См., например: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV –

начало XVI в. Л., 1971. С. 334. Ср.: Бенцианов М.М. Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 265–266.

³⁹ См., например: Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 154, 156, 157, 158.

⁴⁰ Осенью 1534 г. по мобилизации с началом Стародубской войны псковский наместник Д.С. Воронцов выступил в поход с 300 псковскими детьми боярскими (Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки. Первая половина XVI в. // Памятники Восточной Европы. Источники XV – XVII вв. Т. VI. М.; Варшава, 2002. С. 116).

⁴¹ Псковская 1-я летопись. С. 100.

⁴² Там же. С. 97. В следующий раз почти тысячу пищальников (500 для гарнизона Себежа и 400 – на Москву) псковичи выставили в 1535 г. (Псковская 1-я летопись. С. 107).

⁴³ Там же. С. 97, 100.

⁴⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1836. С. 184.

⁴⁵ Псковская 1-я летопись. С. 107.

⁴⁶ С. Герберштейн писал, что «[в тех местах] из-за частых болот, лесов и бесчисленных рек не найти, кажется, ни одного направления, удобного для движения войск, они, тем не менее, двигаются прямо, куда бы им ни было нужно, высылая вперед множество крестьян [которые] обязаны [удалить всякие препятствия]: вырубить деревья и настлать мосты через болота и реки...» (Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 617.).

⁴⁷ Там же. С. 81–82.

⁴⁸ Там же. С. 100.

⁴⁹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 3. Озерная область. СПб., 1900. С. 38.

⁵⁰ Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 154.

⁵¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 619.

⁵² Там же. С. 269, 615.

⁵³ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 269.

⁵⁴ Псковская 1-я летопись. С. 100.

⁵⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 535.

⁵⁶ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 227. О привилеях, выданных великими литовскими князьями полочанам, см. там же. С. 179–182.

⁵⁷ Псковская 1-я летопись. С. 100.

⁵⁸ См.: LM. Кн. 6 (1494–1506). Vilnius, 2007. P. 225.

⁵⁹ См., например: Список Быховца // ПСРЛ. Т. XVII. М., 2008. Стб. 560–561. Некоторое представление о том, как могли выглядеть укрепления Полоцка в начале XVI в., могут дать материалы ревизии Полоцкого воеводства, датируемые 1552 г. (См., например: Рэвізія Полацкага ваяводства 1552 года. Менск, 2011. С. 26–35).

⁶⁰ Воскресенская летопись. С. 263–264; Львовская летопись. С. 394. В схожей ситуации оказались летом 1579 г. войска короля Речи Посполитой Стефана Батория, осадившие Полоцк, занятый русским гарнизоном (См., например: Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582) // Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана

Грозного. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Рязань, 2005. С. 113, 114, 117. См. также: Рюсов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига, 1880. С. 310).

⁶¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 615.

⁶² Псковская 1-я летопись. С. 100.

⁶³ Воскресенская летопись. С. 261.

⁶⁴ Там же. С. 263.

⁶⁵ Там же. С. 252.

⁶⁶ Владимирский летописец конкретизировал – «а Вилна не доходили 30 верст» (Владимирский летописец. С. 143).

⁶⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 535.

⁶⁸ РК 1475–1605. Т. I. Ч. I. С. 167. Из текста разряда следует, что в Вязьму отступили после неудачи под Полоцком сами братья Шуйские со своими людьми, однако, учитывая перепутанность передачи сведений в разрядных записях применительно к этой кампании, поставим под сомнение это свидетельство: зачем новгородским и псковским детям боярским и пищальникам идти в Вязьму, на восток, вместо того, чтобы возвращаться домой, на север?

⁶⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 535.

⁷⁰ ЛМ. Кн. 7. Р. 365–366.

⁷¹ Ibid. Р. 366.

⁷² ЛМ. Кн. 7. Р. 362–363.

⁷³ Kronika Marcina Bielskiego. Т. II. S. 1003.

⁷⁴ Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года // Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 523. Мінск, 2003. С. 50, 153–156.

⁷⁵ Согласно описи 1552 г., в Полоцком замке на постоянной основе было 30 человек (Рэвізія Полацкага ваяводства 1552 года. С. 33).

⁷⁶ См.: Рэвізія Полацкага ваяводства 1552 года. С. 34–35; ЛМ. Кн. 7 (1506–1539). Р. 643–644.

⁷⁷ Перапіс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. С. 50, 94–96.

⁷⁸ Об этом говорит С. Герберштейн (Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 87).

⁷⁹ Rocznika światokrzyskiego dopelnienie drugie z kodexu IX, 1492–1556. S. 95–96.

⁸⁰ Псковская 1-я летопись. С. 100; Псковская 3-я летопись. С. 226.

⁸¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 87; Псковская 1-я летопись. С. 100.

⁸² Успокаивая московского великого князя, его крымский «доброхот» Аппак-мурза писал, что де посланию Сигизмунда в Крыму не поверили, а весть его о победе над москвитями под Полоцком с разгромом 16-тысячной рати и пленением двух воевод посчитали ложной (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею. Т. II. С. 612). Во всяком случае, названный пленным князь А.В. Кашин встречается в «береговом» разряде 7028 г., а И.А. Ростовский-Буйнос в разряде 7029 г. был одним из воевод в Торопце (РК 1475–1598. С. 65, 67). И, учитывая печальную судьбу высокопоставленных русских пленных, взятых литовцами в годы 1-й Смоленской войны, практически невероятно, что они, попав в плен в 1518 г., в 1520–1521 гг. снова оказываются на государственной службе.

⁸³ См., например: Владимирский летописец. С. 143.